

Исповедь гражданина

Вот они, эти рапорта-письма товарищу Сталину лежат сейчас на столе веселой, внушительной лавкой. Каждое из них — история жизни человека, труженика на свободной земле. В каждом отчете запечатлен вздох русского сердца, которому и трудно, и тяжело работать в суровое время войны, но которому радостно пережить эти трудности, ибо уж так устроено сердце русское, что чем больше оно переживает, тем больше растет оно и крепится с силами. Рапорт — это настоящая святая исповедь гражданина перед своей страной, родиной, Россией.

Написанные разными почерками, на разного цвета бумаге — они лежат сейчас на столе с горячими, только что выложенными из самой души словами: «Дорогому Иосифу Виссарионовичу», «Иосифу Виссарионовичу», «Дорогому отцу», «Товарищу Сталину»...

Можно ясно представить себе: 70-летний Сидор Яковлевич Брахов, колхозник сельхозартеля «Красный пахарь», надев чистую рубашку, пригладив волосы, выводя из дома внучат (чтобы они не мешали) садится за стол, в красный угол, и начинает слагать письмо вождем. Приведем выдержку из письма в редакцию т. Брахова.

«Я, Брахов Сидор Яковлевич, родился в 1875 году в с. Мартыновка, Суджанского района, Курской области, в семье крестьянина-середняка. В 1930 году вступил в колхоз и жил самой счастливой, зажиточной жизнью до 1941 года. С первых дней войны на защиту родного отечества ушли пять моих сыновей, а шестой ушел в партизанский отряд. С 1941 года и до самого дня освобождения было для меня самое тяжелое время переживаний. Живя в лапах фашистов, семья моя подвергалась обыскам и надзорам за связь с партизанами. Немецкие звери разграбили все мое имущество: забрали корову, овец, кур, гусей, подтелка...

С первых дней освобождения я начал работать в колхозе. Посеял 37 га яровых культур, сносил 14 гектаров зерновых, засидловал 950 овец... И в дальнейшем, Иосиф Виссарионович (в этом будьте уверены), я не покладая рук, буду трудиться в колхозе и мстить фашистам за кровь своих родных четырех сыновей, которые пали в борьбе за наше отечество. Спасибо Вам, товарищ

Сталин, за Ваше чуткое отношение ко мне и за заботу».

«Чуткое отношение ко мне»... — трогательная, глубокая по смыслу фраза. Сталин живет в каждом из нас, Сталин видит каждого из нас, знает о каждом человеке, совершающем подвиг во славу родины.

Молодой колхозник Сережа Жуков из сельхозартеля имени Ильича пишет:

«Дорогой отец, пятнадцать месяцев я жил в тисках немецких извергов. Горькая и тяжелая была жизнь, и я был лишен всех прав человечества... Когда пришли наши, я сказал: «Вот, теперь-то мы поработаем». Я вспахал на своей корове 30 гектаров, 5 га сносил ржи, я заработал 253 трудодня. Сережа Жуков».

Читаем дальше эти живые, горящие в руках листы бумаги — современную летопись подвигов русского человека. 12-летний Ваня Шепелев, поднявший на корове более 15 гектаров яблн, пишет:

«Иосиф Виссарионович! До войны я думал закончить школу и пойти учиться в институт. Я planned, когда немцы закрыли нашу школу. И только с того дня, когда пришла наша разведка, я начал работать в колхозе, что ни снахнут — сделаю, куда ни пошлют — схожу. 200 трудодней я заработал с марта месяца и все-таки хочется учиться...»

Учиться! Мечта советской молодежи. Многим в связи с войной пришлось на время отказаться от этой мечты, многим приходится видеть перед собой не книгу, а черно-белое поле и понимать в нем лишь одну мысль — как можно больше вспахать, как можно больше дать хлеба стране, Красной Армии.

Наконец вы перечитали все рапорты. И что же? Перед нами через эти многочисленные листы, испещренные гордыми словами борющейся души, светится величественный и светлый образ Сталина.

Сколько этих рапортов написано сейчас колхозниками Суджанского, Беловского, Бальне-Солдатского и других районов нашей области. Сколько их еще напишут! Сколько встух, на весь мир, выскажут свои исповедь граждане Советского Союза, поставившие перед собой одну единственную в настоящее время цель — уничтожить гитлеризм до конца, без остатка.

А. ВАСИЛЬЕВ.

В ИСПОЛКОМЕ ОБЛСОВЕТА

О РАБОТЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СТРОЙМАТЕРИАЛОВ

Осуществление плана работ по восстановлению предприятий, учреждений и жилого фонда требует большого количества строительных материалов. Независимо от объема областного задания областного начальства управления промышленности строительных материалов тов. Сталина о производстве строительных материалов и подготовке к сезону 1944 года.

В своем решении исполком областного совета отметил, что управление промышленности строительных материалов работает плохо. Восстановительные работы по Рышковскому и Старооскольскому газодом срывам. Восстановление черепичных заводов не начато. Управление промышленности строительных материалов не организовало выработку кирпича-сырца ручным способом, в связи с чем план выработки сырца выполнен только на 19 проц. Заводы не обеспечены опалом, рабочей силой, а наличный состав рабочих используется нерационально. Производство по выработке мела и гончарных посулов не создано.

Исполком областного совета обязал тов. Сталина немедленно разбить вой-

Рышковского, Старооскольского, Новооскольского и Сулжковского кирпичных заводов в сезон, обеспечив в 1944 году выпуск не менее 21 800 тысяч штук кирпича, приступить к восстановлению Белгородского, Готинского и Рыльского кирпичных заводов, Белгородских и Шебекинских известковых заводов с таким расчетом, чтобы они к производственному сезону следующего года вступили в строй действующих предприятий.

Управлению промышленности строительных материалов предложено восстановить жилой фонд газодом, столовые, обеспечить их необходимым инвентарем и оборудованием, не позднее 1 ноября организовать в Курске, на Готинском, Лгоском и Сулжковском кирпичных заводах выработку гончарной посулы и мела, приступить к восстановлению Курского черепичного завода.

Исполком областного совета обязал директоров кирпичных заводов и председателей исполкомов райсоветов до 1 января 1944 года заехать на кирпичные заводы, чтобы (тогда) и не-

ЗВЕРСТВА НЕМЦЕВ В ТАГАНРОГЕ.

Недалеко от города находится глубокая Петрушанская балка. Немцы звери превратили ее в «балку смерти». Тысячи жителей Таганрога — мужчины, женщины, дети — замучены и закопаны здесь. После освобождения города трупы жертв гитлеровских палачей были извлечены из Петрушанской балки и похоронены в братской могиле.

На снимке: родственники опознают трупы.

Фото Э. Евсерикина.

КУРЯНЕ—ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Старший сержант Киселев

А. ОКОРКОВ

На одном из кавказских перевалов, в кругу величественно выступающих скал есть небольшая пологая полянка, окаймленная жидким кустарником. На заре сюда пригнет маленький замшевидный зяблик, пристроится на камне и начинает свою дивную музыку. Голос его трепещет на ветру, застывает над долиной, потом бьется волнами отдалится в глубине ущелий. Он то размеренно спокойный, то вдруг срывается — поднимается высоко-высоко, с нотками сердечной тревоги, и тогда кажется, что перед тобой не маленькая птичка, а смычок искусного мастера. Вдруг певец умолкает. Зяблик осматривается вокруг, прислушивается и скрывается в темных расщелинах скал. Его нежный, рыдающий голос, полный глубокой человеческой скорби воскресил в моей памяти трагедию, разыгравшуюся на этой поляне год назад.

Осенью 1942 года отборные немецкие горнострелковые дивизии подошли к предгорьям Кавказа и черными змеями поползли по ущельям, тропам, стараясь овладеть перевалом, прорваться к морю, отрезать левый фланг нашего фронта. Бой поселил напряженный и упорный характер.

На этом участке наступала свежая немецкая альпинистская дивизия «Горная роза», заранее вышколенная и вытрезившаяся. На переднем крае одного нашего подразделения действовали два горно-морских батальона. По несколько атак в день отбивали боины. Враг захлебываясь кровью, зверел и все лез и лез. Нужно было выстоять. Нужно было дать возможность развернуться и перейти главным силам. И бойцы стояли, бойцы дрались.

Не было в полку веселее парня, чем курянин старший сержант Киселев. Он пел песни, шутил на приколах, язвительным анекдотом поднимал настроение окружающих, улаживал и бесстрашным водувшевался в бой. Бойцы любили его за веселый нрав и храбрость, командиры — за боевое мастерство.

Если предстояла сложная разведка — шел он — Давыдыч — как за призраком звали Киселева товарищи. А возвращаясь, на досуге, сидя в блиндаже, он рассказывал о своем Курске, о Рыльском сельхозтехникуме

и обязательно приглашал к себе в Родионку кушать яблоки.

В октябре немецкое командование поставило задачу по что бы то ни стало осадить перевал, а там... море, Сочи... На многое рассчитывали фрицы. Даже заранее был организован экспресс «Берлин—Сочи». Утром немцы начали свое наступление. Несколько десятков минометов с различных позиций открыли огонь по нашему переднему краю.

На правом фланге группа немцев врезалась в стык подразделений. Вот-вот они прорвутся вперед, разорвут единую линию огня и тогда — обречение. Выход из опасного положения мигом был найден.

— Левее полз шестьдесят, стрелять всем. Беглый огонь! — кричал командир.

Бой усиливался с каждой минутой. Стоны раненых переплетались с криками команд. Иногда на позициях сразу воцарялась зловещая тишина, через минуту бой разгорался с новой яростью.

К полудню из-за хребта «Ючерга» в тыл наших подразделений вышли группы вражеских альпинистов. Они молча, не открывая огня, спускались на единственную тропу, соединяющую передний край с перевалом. В это же время усиленные немецкие части пошли в атаку с фронта. Выдержать подобный удар наша уставшая рота была уже не в силах. Отделения одно за другим начали отходить. Бойцы притались за камни, прикладывались, стреляли в упорно наседавшего врага, уносили раненых. Одна вражеская рота устремилась на огневую позицию минометов, оставив преследование наших отходящих взводов. Киселев чуть-чуть растерялся, но сразу же, овладев собой, заговорил:

— К нам идут гости. Если уйдем, они первыми подойдут к перевалу, отрежут наши роты, а может и займут высоту. Приказываю не отходить! Выполнять, моя команда. К минометам!

Первая мина разорвалась метрах в стах правее от наступающих. Вторая — на фланге. Третья — в центре. В полные огня замесились немцы, ища убежища. Вдруг неожиданно смятый сразу все три миномета. Киселев ос-

— Нет мин! — ответил Шаров.

Свинцовая тяжесть сдавила грудь. Минометчики застыли с последними минами в руках, готовые выпустить последнюю команду. Командова пометрел испытывавшие на каждого из них.

— Отставить! Снять колпачки. Мины положить у минометов. Вружье! — раздалась команда.

Немцы, разгадав причину наступившего молчания, шли во весь рост.

— Русь, сдавайся! — кричали немцы. В ответ летели донаты, коробики из-под мин. Стреляли в исключительном случае. Но вот колпачки последние патроны.

Сзади, на перевале показались фигуры людей. С каждой секундой они росли и росли, превращаясь в плотную человеческую массу.

— Хох! — закричал немец хриплым голосом.

— К минометам! — командовал Киселев. Он стоял во весь рост, внимательно следя за движением врага. Раненые бойцы подползли к минометам и заняли свои места.

Вот они, с которыми он прошел много километров по дорогам войны, делил радость побед и горечь поражений, с которыми делился всеми мыслями и чаяниями. Они смотрят на него и, как всегда, ждут команды. Да, они его поняли без слов.

Немцы были рядом. Офицер со злобно улыбающимся лицом сказал на ломаном русском языке:

— Руки вверх!

Давыдыч взглянул на перевал, крикнул не своим, отяжелевшим голосом:

— За Россию, огонь!

Машинально поднялись и опустились три руки с минами со снятыми колпачками хвостом вверх. Секунда... и взрыв. Тяжелый грохот гор. В воздухе поднялись клубы пыли, обломки минометов, вместе с останками героических расчетов.

...А с перевала спускались части Красной Армии.

Не эту ли смерть воспоминает на заре зяблик среди утесов освобожденных гор. Пройдут годы. Снова дикие камни зарастут мхом, но никогда не зарастут обгоревшие кровью тропинки боев, миллионы людей пройдут по ним, чтобы поклониться праху русских людей, праху храброго курянина. Сотни легенд сочинят ашуги гор с них. Сотни песен